

≈ 79 мин

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Состояние марксистской науки в Западной Европе и США, как я уже показывал в материале «[Левые на Западе и что с ними делать](#)», очень и очень плачевное. В среде западных учёных наблюдается гегемония антикоммунизма, идеализма и позитивизма. Местные левые погрязли в догматизме и постмодернистских помоях, а их движение — самое настоящее тёмное царство мракобесия.

Но в каждом тёмном царстве есть луч света. Прежде всего, этот луч — некоторые академические марксисты. Вопреки повсеместно транслируемому буржуазному «экономиксу», эти исследователи продолжают стоять на позициях трудовой теории стоимости. Следует учесть при этом их ограниченность: марксистская теория, в особенности диалектико-материалистическая философия, на Западе ужасно слабо развита, а советская литература по теме по большей части не переведена, что не могло не сказаться на этих западных «жрецах» марксизма.

Ввиду таких обстоятельств они по большей части эмпирики, специализирующиеся на марксистской политической экономии. Порой их эмпирические работы просто шикарны, переводы лучших из них мы публикуем на нашем сайте в разделе «[Политэкономия](#)». Однако из-за того что марксистская философия на Западе не развивается и фактически мертва, западные эмпирики не утруждают себя философскими вопросами, а потому фундаментальную теорию они развивают очень мало, если развивают вообще. В лучшем случае они либо поверхностно, либо стихийно воспроизводят базовые

положения диалектики и материализма.

Однако что закономерно, есть и фактически «выкинувшие философию за борт». Как известно, три составные части марксизма неразделимы. А коли так, выходит, что такие авторы в исследованиях на тему политэкономии пользуются лишь той философией, что вбили в их головы буржуазные предрассудки — идеалистической. Подобное незнание метода и пренебрежение материалистической диалектикой вводит часть авторов-эмпириков в заблуждение, делая их, тем самым, стихийными защитниками классовых интересов капиталистов. Одной из таких «заблудших душ» стал известный американский исследователь Дэвид Харви.

Представляем вашему вниманию перевод трёх статей, где с ним ведёт полемику британский марксист Джон Смит. Материалы дают некоторое представление о характере деятельности западных марксистов-эмпириков. Вдобавок, что более важно, Смит показывает, к каким выводам в политэкономии Харви пришёл, опираясь на свой идеализм: к фактическому отрицанию империализма, к идеям об «угнетении Запада Востоком», к каутскианскому соглашательству. В заметке Харви следует обратить внимание на его аргументацию, состоящую из целой кучи софизмов, «притягиваний за уши» и догматического извращения классиков марксизма, — излюбленных приёмов зазнавшихся леваков-демагогов как на Западе, так и в России.

Отдельный интерес представляет то, что Джон Смит в последней статье рассказывает об исключённом из рассмотрения в «Капитале» Маркса способе извлечения прибавочной стоимости — понижении заработной платы ниже

стоимости рабочей силы. Сегодня этот недооценённый вопрос приобрёл особую актуальность, так как данный способ является главной движущей силой выноса производств в страны периферии.

Полемика актуальна также по той причине, что в ней поднимается актуальнейший в наше время «китайский вопрос». Ни для кого не секрет, что Китай становится важным игроком на мировой арене, усиливая своё присутствие как в полупериферийных странах, так и на западных рынках. Поборники натовской буржуазии, ясное дело, закатили самую настоящую истерику: чего стоит только борьба американского правительства с приложением «TikTok»!

Не будем, однако, уподобляться пробуржуазным нытикам, как это делает Дэвид Харви, вопящий об эксплуатируемом положении Запада по отношению к Востоку. История раз за разом подтверждает правильность позиции Смита: наступает многополярный мир, нарастают противоречия между новыми империалистическими лагерями, ситуация всё больше и больше походит на новый тысяча девятьсот четырнадцатый. В этот период надвигающегося кризиса коммунистам жизненно необходимо отмежеваться, как отмежевались когда-то российские социал-демократы, от сознательных и стихийных защитников буржуазии в левом движении, от оппортунистов, от всей той швали, что плюёт на марксистскую науку и коммунистическое будущее ради славы, горяченьких скандалчиков и десятка-другого тысяч рублей.

Но одно дело — эти самые «горяченькие скандалчики», а другое — научные дискуссии и полемика в целях поиска истины, объективных знаний об обществе,

которое мы хотим изменить. Пусть Харви и Смит станут примером того, насколько страшна марксистская наука для воззрений апологетов буржуазии и насколько омерзительны лакеи класса капиталистов, ищущие любую возможность затушевать отношения эксплуатации человека человеком.

Александр Харламов, отдел переводов LENIN CREW

НЕКОТОРЫЕ ТЕРМИНЫ

Глобальный трудовой арбитраж, глобальный арбитраж по заработной плате (**global labour arbitrage**, global wage arbitrage) — явление переноса рабочих мест в страны, где рабочая сила и в целом стоимость ведения бизнеса ниже и/или миграции дешёвой рабочей силы в страны, где уровень оплаты труда выше.

Пространственная привязка (**spatial fix**) — процесс формирования глобальных производственных цепочек и закрепления капитала в тех или иных местах. Этот термин отражает, во-первых, внутреннюю потребность капитала расширять географию своей деятельности для преодоления кризисов перенакопления, во-вторых, его стремление сохранить и углубить своё присутствие в местности, в которой были инвестированы средства. Термин был введён Дэвидом Харви в его работах об исторической географии промышленного капитализма и используется в западном марксизме.

Чистая передача ресурсов (**net resource transfers**, NRT) — дефицит текущего баланса за вычетом платежей нетто-процентов.

***

ХАРВИ ОТРИЦАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ

Оригинал (Джон Смит, 2018)

Дэвид Харви, автор книги «Новый империализм» и других известных книг о капитализме и марксистской политической экономии, не только верит, что эпоха империализма закончилась, но и считает, что его развитие пошло в обратном направлении. В своём комментарии к «*Теории империализма*» Прабхата и Уцы Патнаиков он говорит:

«Те из нас, кто считает, что старые категории империализма не слишком хорошо работают в наши дни, вовсе не отрицают существования сложных потоков стоимости, которые расширяют накопление богатства и власти в одной части мира за счёт другой. Мы просто думаем, что потоки сложнее и постоянно меняют направление. Например, богатство в течение более чем двух веков перетекало с Востока на Запад, но в последние тридцать лет этот поток в значительной степени стал идти в обратную сторону» [Здесь и далее выделения мои — Дж. С., стр. 169].

Вместо «с Востока на Запад» следует читать «с Юга на Север»; имеются в виду соответственно *страны с низкой заработной платой* и страны, для обозначения которых некоторые, включая этого автора, настаивают на термине «*империалистические*». Вернёмся к удивительному заявлению Харви: в течение

неолиберальной эры, то есть в последние 30 лет, Северная Америка, Европа и Япония не просто прекратили своё многовековое разграбление богатств Африки, Азии и Латинской Америки — поток обернулся вспять: «развивающиеся страны» теперь высасывают богатство из империалистических центров. Это утверждение, сделанное без каких-либо доказательств фактами или статистикой, повторяет аналогичные утверждения в более ранних работах Харви. Например, в «*17 противоречиях и конце капитализма*» он говорит:

«Неравенство в глобальном распределении богатства и доходов между странами значительно сократилось в связи с ростом доходов на душу населения во многих развивающихся частях мира. Чистый отток богатства с Востока на Запад, который преобладал в течение более чем двух веков, был обращён вспять, поскольку Восточная Азия, в частности, сильно продвинулась вперёд» (стр. 170).

В первом предложении цитаты автор сильно преувеличивает глобальную конвергенцию: если убрать из рассмотрения Китай и учесть значительно возросшее неравенство доходов во многих странах Юга, выясняется, что никакого реального прогресса в преодолении огромного разрыва между реальной заработной платой и уровнем жизни «Запада» и остального мира достигнуто не было.

Второе предложение опровергается беглым рассмотрением самого важного преобразования неолиберальной эры — переноса производственных процессов в страны с низкой заработной платой. Транснациональные корпорации,

базирующиеся в Европе, Северной Америке и Японии, возглавили этот процесс, сократив издержки производства и увеличив наценки благодаря замене относительно высокооплачиваемой рабочей силы в своих странах гораздо более дешёвой иностранной рабочей силой. В своей работе «Аутсорсинг, протекционизм и глобальный трудовой арбитраж» Стивен Роуч, тогда старший экономист в Morgan Stanley, ответственный за его операции в Азии, объяснил почему:

«В эпоху избыточного предложения компаниям не хватает ценового рычага, как никогда раньше. Коли так, предприятия должны неустанно искать новые способы повысить производительность. Неудивительно, что основное внимание при таком поиске уделяется рабочей силе, на которую уходит основная часть производственных затрат в развитых странах мира. Уровень заработной платы в Китае и Индии составляет 10-25% от уровня заработной платы сопоставимых работников в США и других развитых странах. Следовательно, офшорный аутсорсинг, за счёт которого присваивается продукт труда работников с относительно низкой заработной платой в развивающихся странах, становится всё более актуальной тактикой выживания для компаний в развитых странах».

Огромные масштабы переноса производств в страны с низкой заработной платой, будь то через прямые иностранные инвестиции или через косвенные, договорные отношения с независимыми поставщиками, означает значительное расширение эксплуатации труда жителей Юга американскими, европейскими и японскими транснациональными компаниями, легионов рабочих, для которых к

тому же более высока норма эксплуатации. Иногда Дэвид Харви будто бы признаёт эти реалии. Например, в своей критике Патнаиков за два абзаца до своего утверждения о том, что Восток теперь высасывает богатство с Запада, он отмечает:

«У Foxconn, которая производит компьютеры Apple в условиях сверхэксплуатации труда иммигрантов в Южном Китае, регистрируется 3% прибыли, в то время как у Apple, которая продаёт компьютеры в метрополиях, она составляет 27%».

Однако это (и более широкая картина, которую эта ситуация красноречиво иллюстрирует) подразумевает новые и значительно возросшие потоки стоимости и прибавочной стоимости в американские, европейские и японские транснациональные корпорации от китайских, бангладешских, мексиканских и других низкооплачиваемых работников, а равно и основания полагать, что это преобразование знаменует собой новый этап в развитии империализма. Дэвид Харви, вопреки фактам, но отражая широко распространённое среди марксистов в империалистических странах мнение, считает, что дело обстоит иначе.

В *«Загадке капитала»* Харви мы находим не только самую раннюю итерацию его мнения о том, что «Восток» сейчас высасывает «западные» богатства, но и его источник: Харви одобрительно цитирует *«пророческие оценки американского Национального совета по разведке, опубликованные вскоре после избрания Обамы, о том, на что будет похож мир в 2025 году. Возможно, впервые официальный орган США предсказал, что к тому времени Соединённые Штаты...*

больше не будут доминирующим игроком... Прежде всего, „будет продолжаться беспрецедентный сдвиг в относительном благосостоянии и экономической мощи примерно с запада на восток, который происходит сейчас“» (стр. 34-35). Харви повторяет это, но со своими изворотами:

«Этот „беспрецедентный сдвиг“ обратил вспять давнюю утечку богатства из Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии в Европу и Северную Америку, которая имеет место с XVIII века» (стр. 35).

Тем не менее, в другом месте этой книги Харви признаёт, что *«наводнённые избыточным капиталом американские корпорации фактически начали развивать офшорное производство в середине 1960-х годов, но это движение набрало обороты лишь десятилетие спустя»,* и что переход производства в *«любую точку мира — предпочтительно туда, где труд и сырьё были дешевле»* был вызван решением капиталистов США экспортировать свой капитал (напрямую, через прямые иностранные инвестиции или косвенно, через рынки капитала), а не инвестировать его на родине. Всё это подразумевает усиление власти метрополии над экономиками *«принимающих»* стран и усиление эксплуатации их живого труда, для чего наиболее подходящим термином является *«империализм»*. Ключ к тому, чтобы объяснить, как Харви рационализирует своё отрицание империализма, можно найти в *«Новом империализме»*, где он говорит, что *«транснациональные капиталистические корпорации... распространяются по всей карте мира способами, которые были немыслимы на ранних этапах империализма (тресты и картели, что описали Ленин и Гильфердинг, были очень тесно связаны с конкретными национальными*

государствами)» (стр. 176-177). Другими словами, именно «глобальный капитал», безродно-космополитический, лишённый централизации, извлекает выгоду из смещения производства в страны с низкой заработной платой, а не американские и европейские транснациональные корпорации.

Комментарий Дэвида Харви в новой книге Патнаиков также примечателен ссылкой на *сверхэксплуатацию*, что интересно, отсутствующей в других его работах по империализму и теории стоимости:

«Тропические и субтропические районы обладают огромным резервом рабочей силы, живущим в условиях, благоприятных для сверхэксплуатации. За последние 40 лет (и это ново) капитал всё более стремился мобилизовать этот резерв в поисках более высоких прибылей за счёт промышленного развития. Если и есть какая-либо карта, которая подтверждает своеобразие тропической зоны, то это та, что показывает местоположение зон, где расположена обрабатывающая промышленность, работающая на экспорт, 90% которых находятся в тропиках. И именно резерв рабочей силы является приманкой, а не аграрный базис (хотя, несомненно, важна частичная пролетаризация, которая возникает из-за того, что общественное воспроизводство осуществляется на земле, в то время как капитал просто эксплуатирует труд с заработной платой ниже необходимой для жизни)» (стр. 165).

Он не определяет сверхэксплуатацию, но сам факт того, что он этот термин употребляет, уже даёт важную отправную точку. Он от неё отправляется... но

не прибывает к месту назначения: «капитал» остаётся у него бесплотной, лишённой привязки к территории абстракцией, а не владельцами-миллионерами транснациональных корпораций, сконцентрированными в империалистических странах, что позволяет ему избежать очевидного заключения о том, что это новое и чрезвычайно важное развитие подразумевает серьёзный стимул для перетекания стоимости из стран с низкой заработной платой в империалистические центры. Запутывание Харви ещё существующего империалистического разделения продолжается ниже на той же странице, что и приведённая выше цитата, в утверждении о том, что условия на рынках труда в «метрополиях» и странах с низкой заработной платой становятся всё более похожими, а границы между ними исчезают:

«...различие между резервом [армией труда] в метрополии и на периферии было значительно уменьшено в последнее время в результате глобализации, так что мы можем небезосновательно думать о том, что противостояние капитала и труда стало сегодня более единообразным в пространствах глобальной экономики».

Отрицание империализма Харви совсем не однозначно. Его кредит доверия как прогрессивного социолога и теоретика-марксиста не мог выдержать категорического отказа признать актуальность теории империализма сегодня и постоянство его самых открытых и бесцеремонных форм. Вместо этого он запутывает, сеет растерянность и притворяется агностиком в этом важнейшем вопросе. Например, в своей критике теории Патнаиков он говорит о «проблеме империализма, если таковая существует» и приводит в качестве примера

«случай с хлопком, пониженная цена которого была разрушительной, особенно для западноафриканских производителей. Смысл здесь не в том, чтобы отрицать передачу богатства и стоимости, которая возникает в результате глобальной торговли и экстракционизма или геоэкономической политики, которая ставит в невыгодное положение первичных производителей. Скорее он в том, чтобы настаивать: мы не относим все эти черты к какой-нибудь простой и вводящей в заблуждение категории империализма, которая определяется через анахроничную и обманчивую форму физико-географического детерминизма».
(стр. 161)

Последняя часть этого высказывания относится к самобытной теории, разработанной Прабхатом и Уцой Патнаиками в *«Теории империализма»*; вопрос, является ли характеристика Харви справедливой, выходит за рамки этой статьи, но совершенно очевидно, что мишенью для Харви является не какой-то конкретный вариант теории империализма, а теория империализма *tout court* [вообще — прим. LC] и все те, кто считают себя антиимпериалистами.

Подведём итоги: утверждение Харви о том, что «Восток» теперь эксплуатирует «Запад», утверждение, не подкреплённое ничем, кроме его авторитета, является ложным. Он не мог ошибиться сильнее или в более серьёзном вопросе. Корень его ошибки — его отрицание того, что глобальный перенос производства в страны с низкой заработной платой представляет собой серьёзное углубление империалистической эксплуатации. В нижеприведённом отрывке из моей книги *«Империализм в XXI веке»* я прослеживаю неспособность Харви признать или проанализировать эту характерную черту неолиберальной

глобализации в нескольких его работах вплоть до его знаменитых «*Пределов капитала*».

ОТРЫВОК О ДЭВИДЕ ХАРВИ ИЗ КНИГИ ДЖОНА СМИТА «ИМПЕРИАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ» (СТР. 199-202)

Дэвид Харви, занимающий видное место среди современных марксистских теоретиков, опубликовал серию влиятельных книг о теории стоимости Маркса, о неолиберализме и о новом империализме. Из-за того, что он приобрёл широкую аудиторию благодаря своим взглядам, необходимо подвергнуть их серьёзной оценке; это вопрос, который можно затронуть только здесь.

Центральный аргумент в теории нового империализма Харви состоит в том, что чрезмерное накопление капитала толкает капиталистов и капитализм ко всё

более широкому использованию некапиталистических форм грабежа, то есть форм, отличных от извлечения прибавочной стоимости из наёмного труда, от конфискации коммунальной собственности до приватизации социальных благ, которые возникают в результате посягательств капитала на общественное достояние, будь то государственная собственность или первозданная природа.

Он утверждает, что для нового империализма характерно *«смещение акцента с накопления через расширенное воспроизводство к накоплению через лишение собственности»*, что в настоящее время является *«основным противоречием, с которым приходится сталкиваться»* (*«Новый империализм»*, Оксфорд: издательство Oxford University Press, 2003, стр. 176-77). Харви прав, обращая внимание на сохраняющуюся и даже возрастающую важность старых и новых форм накопления путём лишения собственности, но он не признаёт, что наиболее существенное смещение акцента в империализме происходит *в совершенно ином направлении* — в сторону трансформации его собственных основных процессов извлечения прибавочной стоимости вследствие глобализации производства, обусловленной глобальным трудовым арбитражем (*global labour arbitrage*); это явление, которое является полностью внутренним для отношений труда и капитала.

Книга Харви *«Пределы капитала»* (Лондон: Verso, 2006; впервые опубликована в 1982 году) имеет намеренно двусмысленное название. В ней предпринимается попытка не только обнаружить пределы неумолимого наступления капитала, но и выявить пределы применимости *«Капитала»*, то есть теории капиталистического развития Маркса. В *«Пределах капитала»* об империализме

говорится куда меньше, чем о, собственно, «Капитале». Фактически, империализму достаётся только одно короткое, бессвязное упоминание (стр. 441-2):

«Многое из того, что подходит под определение империализма, основано на существовании эксплуатации народов в одном регионе теми, кто находится в другом... Описанные процессы позволяют географии производства прибавочной стоимости отклоняться от географии её распределения».

Вместо того чтобы углубляться в это важное понимание вопроса, автор в дальнейшем не оказывает ему внимания. Харви возвращается к теме географического сдвига производства в страны с низкой заработной платой в «Состоянии постсовременности» (Oxford: Blackwell, 1990, стр. 165), где он рассматривается не как признак углубления империалистической эксплуатации, как это подразумевает его мимолётный комментарий в «Пределах капитала», а как признак ускоренного упадка:

«С середины 1970-х годов... новые индустриальные страны... начали серьёзно проникать на рынки определённых продуктов (текстиль, электроника и т. д.) в развитых капиталистических странах, и вскоре к ним присоединился целый ряд других НИС [новых индустриальных стран, таких как] Венгрия, Индия, Египет и те страны, которые ранее придерживались стратегий импортозамещения (Бразилия, Мексика)... В некоторых случаях смена расстановки сил с 1972 года в глобальной политической экономике капитализма развитых стран была поистине выдающейся. Зависимость

Соединённых Штатов от внешней торговли... удвоилась в период 1973–1980 гг. Импорт из развивающихся стран увеличился почти в десять раз».

Это переворачивает реальность с ног на голову: отнюдь не означая сдвига центра силы в сторону стран с низкой заработной платой, рост внешней торговли отражает огромное расширение влияния империалистических транснациональных корпораций на эти страны и возросшую зависимость этих корпораций от прибавочной стоимости, извлечённой из работников в них.

Этот вывод подтверждается признанием Харви в той же работе (стр. 153) *«возросшей способности многонационального капитала вывозить фордистские системы массового производства за границу и эксплуатировать чрезвычайно уязвимую рабочую силу женщин в условиях крайне низкой оплаты труда и ничтожной обеспеченности работой».*

Более того, ТНК произвели глобальный перенос производственных процессов в страны с низкой заработной платой, чтобы поддержать свою конкурентоспособность и прибыльность, и весьма успешно, однако Харви представляет это как свидетельство *снижения* конкурентоспособности империалистических стран. По словам Харви, капитал Центра пытается разрешить кризис чрезмерного накопления путём пространственной привязки (*spatial fix*), включающей создание (стр. 183) *«новых пространств, в которых может развиваться капиталистическое производство (например, через*

инфраструктурные инвестиции), рост торговли и прямых инвестиций, а также изучение новых возможностей для эксплуатации рабочей силы».

Это то, что Маркс называл хаотической концепцией. Как насчёт того, чтобы вместо нарочито расплывчатых фраз об изучении новых возможностей для использования рабочей силы сказать о чём-нибудь куда более простом, например, об усилении эксплуатации низкооплачиваемого труда? В итоге попытки Харви добавить пространственное измерение в марксистскую теорию капитализма проваливаются, потому что он пренебрегает обсуждением пространственных последствий иммиграционного контроля, увеличения градиента заработной платы между империалистическими и полукOLONиальными народами, глобального арбитража по заработной плате.

В «Новом империализме», опубликованном в 2003 году, Харви посвящает две страницы глобализации производственных процессов. Он начинает с того, что включает это развитие в свой основной тезис о перенакоплении капитала (стр. 63-4):

«Легко эксплуатируемая рабочая сила с низкой заработной платой в сочетании с растущим облегчением географической мобильности производства открыла новые возможности для прибыльного применения избыточного капитала. Но в скором времени это обострило проблему производства избыточного капитала во всём мире».

Формально разделяя промышленных и финансовых капиталистов, он приписывает статус «движителя» волны аутсорсинга неограниченной власти финансовых капиталистов, утверждающих своё господство над производственным капиталом в ущерб национальным интересам США (стр. 64-65):

«Целый ряд технологических и организационных изменений... поспособствовал географической мобильности производственного капитала, за счёт которого мог питаться всё более гипермобильный финансовый капитал. Хотя переход к финансовой мощи принёс США большие прямые выгоды, воздействие на их собственную промышленную структуру было не чем иным, как травмой, если не катастрофой... Одна за другой волны деиндустриализации поражали отрасль за отраслью и регион за регионом.... США были причастны к подрыву собственного господства в производстве, потому как они дали финансовым силам неограниченные возможности для действий по всему миру. Выгода, однако, заключалась в более дешёвых товарах из других частей света, служащих топливом бесконечному консьюмеризму, которому США были преданы».

Даже если оставить в стороне националистический и протекционистский подход и неспособность заметить, что появление более дешёвых товаров из других стран становится возможным благодаря более дешёвой рабочей силе в других странах, то есть сверхэксплуатации, аргументация Харви содержит роковой недостаток. Аутсорсинг стал следствием не столько пробуждения финансов, сколько стагнации и снижения нормы прибыли в производстве и

попыток промышленных магнатов бороться с этим.

Увеличение импорта дешёвых промышленных товаров стало большим, чем топливо для консьюмеризма: оно напрямую поддержало прибыльность и конкурентоспособность промышленных левиафанов Северной Америки и активно поддерживалось ими. Аутсорсинг отнюдь не ведёт к окончанию доминирования США — иными словами, способности их корпораций захватывать львиную долю прибавочной стоимости: он открыл для капиталистов США, Европы и Японии новые пути для укрепления их господства над мировым обрабатывающим производством.

Фундаментальной ошибки Харви недостаточно для объяснения оголтелого реформизма, что встречается в его выводе к *«Новому империализму»*, где он изнывал по (стр. 209–211) *«возвращению к более доброжелательному империализму Нового курса, лучше всего — через своего рода коалицию капиталистических держав, которую Каутский уже давно предвидел... В нынешней конъюнктуре это определённо достаточная цель для борьбы»*, забывая, что он написал двумя десятилетиями ранее в заключении к *«Пределам капитала»* (стр. 444):

«Мир был спасён от ужасов Великой депрессии не каким-нибудь великолепным новым курсом и не волшебными пассами кейнсианской экономики в мировых сокровищницах, а разрушениями и смертями мировой войны».

***

Джон Смит получил степень PhD в Университете Шеффилда и в настоящее время работает в качестве независимого исследователя и писателя. Он был рабочим-нефтяником, водителем автобуса и инженером по телекоммуникациям, а также активным участником антивоенных движений и движений солидарности с Латинской Америкой. Обладатель первой премии имени Пола А. Барана — Пола М. Суизи за оригинальную монографию, посвящённую политической экономии империализма, «*Империализм в XXI веке*», которая является основополагающим исследованием отношений между странами капиталистического ядра и остальным миром в эпоху неолиберальной глобализации. С ним можно связаться по адресу: johncsmith@btinternet.com.

***

РЕАЛИИ НА МЕСТАХ, ИЛИ СМИТ ЗАБЛУДИЛСЯ В ПУСТЫНЕ

Оригинал (Дэвид Харви, 2018)

Джон Смит заблудился в пустыне и умирает без воды. Его надёжная система GPS сообщает ему, что в десяти верстах к востоку есть пресная вода. Поскольку он считает, что «с Востока на Запад» нужно читать как «с Юга на Север», он направляется на юг, чтобы его больше никогда не видели. Это, увы, показывает качество аргумента, использованного им против меня [см. выше — прим. LC].

Восток, о котором я говорю, когда я отмечаю, что богатство в последнее время переместилось с Запада на Восток, представлен Китаем, который сейчас является второй по величине экономикой в мире (если Европа не рассматривается как одна экономика), и, вдобавок, Японией как третьей по величине экономикой. Добавьте сюда Республику Корея, Тайвань и (с небольшими оговорками насчёт географии) Сингапур, и получите мощный блок в мировой экономике (когда-то называвшийся моделью капиталистического развития «летающих гусей»), чей ВВП сейчас составляет примерно треть от общемирового (для сравнения, у Северной Америки он сейчас составляет лишь чуть более четверти). Если мы оглянемся на мир, как он был устроен, скажем, в 1960 году, то удивительный рост Восточной Азии как центра силы накопления мирового капитала будет совершенно очевиден.

Китайцы и японцы теперь владеют большими кусками стремительно растущего государственного долга США. Также имела место интересная последовательность: все национальные экономики в Восточной Азии по очереди искали пространственную привязку (*spatial fix*) для огромного количества избыточного капитала, накопленного в пределах их границ. Япония начала экспорт капитала в конце 1960-х годов, Республика Корея — в конце 1970-х, Тайвань — в начале 1980-х. Немалая часть этих инвестиций пошла в Северную Америку и Европу.

Теперь настал черёд Китая. Карта китайских внешних инвестиций в 2000 году была почти пустой. Теперь же их поток проходит не только по маршруту «Один пояс и один путь» через Центральную Азию в Европу, но и, в частности, по всей Восточной Африке и в Латинской Америке (более половины ПИИ в Эквадор исходит из Китая). Когда Китай пригласил лидеров со всего мира принять участие в конференции по поводу проекта «Один пояс и один путь» в мае 2017 года, более сорока мировых лидеров прибыли, чтобы послушать, как председатель Си провозглашает то, что многие из них посчитали учреждением нового мирового порядка, в котором Китай будет одним из гегемонов (если не единственным). Означает ли это, что Китай является новой империалистической державой?

В этом сценарии есть интересные мелкие особенности. Когда мы читаем отчёты об ужасных сверхэксплуатационных условиях на производстве на глобальном Юге, часто оказывается, что в это вовлечены тайваньские или южнокорейские фирмы, даже если конечный продукт попадает в Европу или Соединённые

Штаты. Китайская жажда полезных ископаемых и сельскохозяйственных товаров (в частности, соевых бобов) означает, что китайские фирмы также находятся в центре процесса выкачивания ресурсов, которая разрушает ландшафт по всему миру (посмотрите на Латинскую Америку). Беглый взгляд на захват земли по всей Африке показывает, что китайские компании и инвестиционные фонды намного опережают всех в своих приобретениях. Две крупнейшие горнодобывающие компании, работающие в медном поясе Замбии, — индийская и китайская.

Итак, что же говорит обо всём этом догматичная, негибкая теория империализма, к которой обращается Джон Смит?

По словам Джона Смита, мне не удалось поднять вопрос об империализме в *«Пределах капитала»*. Я упоминал об этом только один раз, говорит он. В указателе содержится около 24 упоминаний, а последняя глава называется «диалектика империализма». Совершенно верно, что в этой книге я обозначил традиционную концепцию империализма, что происходит от Ленина (и впоследствии принятую за аксиому такими, как Джон Смит), как неподходящую для того, чтобы описать сложные пространственные, межтерриториальные и специфические местные формы производства, обмена и распределения, происходящие по всему миру.

Позже я был заинтригован, обнаружив родственную душу в лице Джованни Арриги, который в *«Геометрии империализма»* (написанной примерно в то же

время) отказывается от концепции империализма (или, коли мы об этом, от жёсткого выделения ядра и периферии, изложенного в теории мир-систем) в пользу более открытого и гибкого анализа смещающихся гегемоний в мир-системе. Никто из нас не отрицает, что стоимость, произведённая в одном месте, в конечном итоге присваивается где-то в другом месте, и что во всём этом есть нечто до ужаса неправильное. Это, однако, процесс (и я подчёркиваю значимость слова «процесс»), который мы стремимся нанести на карту, раскрыть и теоретически осмыслить как можно лучше. Маркс учил нас: метод исторического материализма начинается не с выдумывания абстрактных понятий, которые потом навязывают реальности, а с реалий на местах, на основании которых пытаются создать абстрактные понятия, подходящие для имеющейся ситуации. Начинать с абстрактных понятий, как это делает Джон Смит, — значит заниматься классификаторским идеализмом.

Итак, исходя из того, что происходит на местах, я предпочитаю работать с теорией неравномерного географического развития, разрастающегося и дифференцирующегося разделения труда, понимания глобальных товарных цепочек и пространственных привязок, развития территорий (*place production*) (в частности, урбанизации — важнейшей темы, которую Джон Смит не замечает), а также формирования и разрушения региональных экономик, в рамках которых определённая «структурная согласованность» (или «региональный стоимостной режим») может формироваться в течение некоторого времени, пока мощные силы девальвации и накопления через лишение собственности не приведут в движение силы созидательного разрушения. Эти силы влияют не только на глобальный Юг, но и на

деиндустриализирующийся Север.

Я стараюсь внимательно глядеть на это сквозь призму различных географических движений капитала, труда, денег и финансов и смотреть на растущую власть рантье и смещающийся баланс сил между различными фракциями капитала (например, между производством и финансами), а также между капиталом и трудом. Это то, что я предлагаю на замену грубой и негибкой теории империализма, которую проповедует Джон Смит. Моя теория не отрицает ни колоссального накопления денежной власти в руках немногих корпораций и немногих богатых семей, ни ужасных условий жизни, в которых проживает немалая часть населения мира. Но она при этом не выдумывает, что рабочий класс Огайо и Пенсильвании живёт среди роскоши. В ней признаётся значимость теории относительной прибавочной стоимости Маркса, в соответствии с которой материальное благосостояние работников может значительно вырасти, даже если норма эксплуатации возрастает до огромного уровня, которого невозможно достичь за счёт абсолютной прибавочной стоимости, получаемой в более бедных областях накопления капитала, которые часто доминируют на глобальном Юге. Кроме того, как давно указал Маркс, географические перемещения богатства из одной части мира в другую не приносят выгоды всей стране; они неизменно сосредоточены в руках привилегированных классов. В последнее время в Соединённых Штатах люди с Уолл-Стрит и их помощники чувствовали себя отлично, в то время как бывшие рабочие из Мичигана и Огайо — весьма неважно.

Давайте оглянемся назад. В 1960-х годах привилегированные слои рабочего

класса были в значительной степени защищены в пределах границ своих национальных государств на глобальном Севере и могли стремиться к политической власти на их территории. Они добились становления «государств всеобщего благосостояния» с помощью тактик социал-демократии и получили некоторые выгоды от повышения производительности. Ответом капиталистов должна была быть попытка ослабить эту власть и снизить заработную плату, поощряя иммиграцию. Немцы обратили внимание на Турцию, французы — на Магриб, шведы — на Югославию, британцы — на свои бывшие колонии, а США в 1965 году реформировали свои иммиграционные законы, открывшись всему миру. Джон Смит забывает, что всё это было субсидировано капиталистическим государством по указанию класса капиталистов. Но это решение не сработало. Так, начиная с 1970-х годов, часть капитала (но далеко не всё) уходила туда, где рабочая сила была самой дешёвой. Но глобализация не могла работать без уменьшения барьеров для товарного обмена и денежных потоков, и последнее означало открытие ящика Пандоры для финансового капитала, который долгое время был недоволен национальным регулированием. Долгосрочный эффект состоял в том, что власть и привилегии движений рабочего класса на глобальном Севере ослабли именно из-за помещения их в конкурентную среду глобальной рабочей силы, которую можно было получить практически по любой цене. Я поддерживаю точку зрения, что рабочие классы разных стран в рамках глобальной структуры современного капитализма сейчас гораздо больше конкурируют друг с другом, чем в 1960-е годы.

В то же время технологические изменения делают труд менее важным во многих сферах экономической деятельности (например, в Google и Facebook). В

то же время новые структуры, связывающие интеллектуальный и организационный труд глобального Севера с физическим трудом глобального Юга, обошли стороной традиционную рабочую силу на глобальном Севере, оставив за собой пустынный ландшафт деиндустриализации и безработицы, жертв которых можно эксплуатировать любым другим способом.

Ну и напоследок комментарий, наглядно демонстрирующий, какого рода полемикой Смит заменяет аргументированную критику. Он издевается над тем, как я якобы «жажду возврата к более доброжелательному империализму Нового курса» в «*Новом империализме*». Но из контекста видно, что я говорил, что это был единственный возможный путь *в рамках* капиталистического способа производства. В то время (2003 г.) было ясно, что не было никакого глобального рабочего движения, которое могло бы хоть как-то обозначить альтернативу капитализму, и что капитализм направлялся к неприятному потрясению вроде того, что произошло в 2007-2008 (да, я ясно предсказал вероятность этого в «*Новом империализме*» в 2003). Учитывая, что последовавший предсказуемый кризис был разрешён путём лишения целых народов большей части их богатства и стоимости их активов, я думаю, что для левых было бы лучше поддержать кейнсианскую альтернативу (которая, кстати, впоследствии была реализована Китаем).

Это было, по моему политическому суждению в то время, единственным способом создания пространства для манёвра левых, чтобы скомпенсировать дрейф, в то время чётко обозначенный неоконсервативным движением, в сторону жестокой политики милитаризма и сверхэксплуатации, которая

повторяла то, что произошло в преддверии Второй мировой войны. Я думаю, оглядываясь назад, что я был прав в этом, хотя я признаю, что многие со мной не согласятся. Эта дилемма, увы, всё еще с нами. Но аргументированная критика — это одно, а бесполезная и насмешливая полемика — это другое.

***

Дэвид Харви — заслуженный профессор антропологии и географии в отделе аспирантуры (*Graduate Center*) Городского университета Нью-Йорка.

***

РЕАЛИИ ИМПЕРИАЛИЗМА И ВЫДУМКИ ДЭВИДА ХАРВИ

Оригинал (Джон Смит, 2018)

Когда Дэвид Харви заявляет, что *«богатство в течение более чем двух веков перетекало с Востока на Запад, но в последние тридцать лет этот поток в значительной степени стал идти в обратную сторону»*, его читатели могут вполне резонно предположить, что он ссылается на определяющую черту империализма, а именно хищническое присвоение живого труда и природных богатств в колониях и полуколониях со стороны восходящих капиталистических держав Европы и Северной Америки. В самом деле, он не оставляет никаких сомнений в этом, так как предваряет свои слова упоминанием про *«старые категории империализма»*. Но здесь мы сталкиваемся с первым из многочисленных проявлений путаницы в его голове. На протяжении более чем двух веков империалистические Европа и Северная Америка также присваивали богатства Латинской Америки и Африки, а также всех частей Азии... кроме Японии, которая в XIX веке сама стала империалистической державой. Деление мира на Восток и Запад, следовательно, является несовершенной заменой деления мира на Север и Юг, и именно поэтому я посмел поправить компас Харви, спровоцировав его тем самым на крайне дерзкий ответ [см. [выше](#) — прим. LC].

Как прекрасно знает Дэвид Харви, все стороны в спорах на тему империализма,

модернизации и капиталистического развития признают принципиальное различие между странами, которые разные авторы называют «развитыми и развивающимися», «империалистическими и угнетёнными», «центральными и периферийными» и т. п., даже если у них имеются разногласия по вопросу о том, как меняется это первичное деление мира. Кроме того, критерии вхождения определённых стран в ту или иную группу могут правомерно включать политику, экономику, историю, культуру и многое другое, но *ни в коем случае* не географическое положение. Деление мира на Север и Юг условно и является вульгаризированным обобщением других критериев, на что указывает, в частности, то, что Австралию и Новую Зеландию принято относить к странам Севера. Тем не менее, отвечая на мою критику, Харви ставит географическое положение выше всего остального, запихивая Китайскую Народную Республику, которая по ВВП на душу населения в 2017 году располагалась между Таиландом и Доминиканской Республикой, в один ряд с Республикой Корея, Тайванем и империалистической Японией, объявляя, что всё это какой-то особый восточноазиатский «блок сил (!) в мировой экономике». Учитывая агональное состояние японской экономики, ВВП которой с 1990 года рос в среднем менее чем на 1 % в год, и имея представление о взрывоопасном экономическом, политическом и военном соперничестве Японии и Китая, говорить о том, что этот «блок» сейчас присваивает богатства капиталистической Европы и Северной Америки, в корне неверно.

Чтобы оценить утверждение Харви о том, что связанные с империализмом потоки богатств пошли в обратном направлении, мы должны задать более актуальный вопрос: *продолжают ли развитые капиталистические страны*

Европы и Северной Америки, а также Япония высасывать богатства из Китая и других «развивающихся стран» Азии, Африки и Латинской Америки? Раз Харви не считает, что потоки присвоения богатства из Африки и Латинской Америки на «Запад» настолько велики, что нивелируют предполагаемый им поток с Запада в «восточноазиатский блок», он должен ответить: «нет, это уже не так».

НЕКОТОРЫЕ РЕАЛИИ НА МЕСТАХ

В 2015 году исследователи из Бразилии, Индии, Нигерии, Норвегии и США опубликовали материал *«Финансовые потоки и офшоры: объединение для ограничения жизни миллиардов людей»*, который они справедливо называют *«наиболее всесторонним анализом мировых финансовых потоков, влияющих на развивающиеся страны, на сегодняшний день»*. В этом отчёте они рассчитывают *«чистую передачу ресурсов»* (net resource transfers или NRT) между развитыми и развивающимися странами, объединяя законные и незаконные притоки и

оттоки, — от помощи в целях развития и переводов заработной платы до чистых поступлений от торговли, обслуживания долга, новых займов, прямых иностранных инвестиций, портфельных инвестиций и репатриированной прибыли, наряду с оттоком капитала и другими формами финансовых махинаций и откровенного воровства. Они обнаружили, что в 2012 году, последнем, за который они смогли получить данные, страны, которые они называют «развивающимися и полупериферийными» (а это понятие не может не включать в себя Китай), потеряли 2 триллиона долларов США в виде чистых передач в богатые страны, что тогда было эквивалентно 8 % ВВП полупериферийных стран — в четыре раза больше, чем усреднённая сумма в 504 миллиарда долларов США, которая ежегодно переводилась в виде NRT из бедных стран в богатые в первой половине 2000-х годов. Если же добавить сюда компетентные оценки занижений счетов и других форм грабежа и криминала, которые не оставляют следов в статистике, NRT из бедных стран в империалистические в 2012 году оказывается больше 3 триллионов долларов США, что составляет около 12 % ВВП бедных стран.

В более общем плане они сообщают, что *«как зарегистрированный, так и незарегистрированный перевод законных и незаконных средств из развивающихся стран имел тенденцию к увеличению в период с 1980 по 2011 год»*. Что касается стран Африки к югу от Сахары, они сообщают, что NRT с этого континента в империалистические страны (а также в лицензированные ими офшоры) в период с 1980 по 2012 год составили 792 миллиарда долларов США, что отношение сумм незаконных трансфертов из Африки в империалистические страны к ВВП выше, чем для любого другого региона, и что

отток капитала из стран Африки к югу от Сахары растёт более чем на 20 процентов в год, быстрее, чем где бы то ни было в мире.

В том, что они назвали *«ироничным поворотом в истории развития»*, исследователи пришли к выводу, что *«с начала 1980-х годов NRT для всех развивающихся стран были в основном крупными и отрицательными, что указывает на устойчивый и значительный отток капитала из развивающихся стран... что в итоге приводит к хронической утечке ресурсов из развивающихся стран в течение длительного периода времени»*.

Ну и в каком месте Китай вписывается в эту более широкую картину? Используя сложные методики и основываясь на осторожных допущениях, исследователи подсчитали, что на его долю приходится не менее $\frac{2}{3}$ от общего зарегистрированного дефицита по передаче ресурсов во всех «развивающихся странах» в период с 1980 по 2012 год, всего 1,9 трлн долларов США; объяснение такой высокой доли — *«большие профициты счёта текущих операций Китая и отток ассоциированного капитала и резервных активов»*, и на них приходится 21 %, или 2,8 триллиона долларов США, из 13,4 триллионов долларов США, общего объёма оттока капитала из всех «полупериферийных стран» в страны «Золотого миллиарда» в течение этих трёх десятилетий.

ЕЩЁ РЕАЛИИ НА МЕСТАХ

Этих фактов уже достаточно, чтобы опровергнуть утверждение Харви о том, что Китай и его соседи в настоящее время выкачивают богатства из «бывших» империалистических стран Европы и Северной Америки. Дэвиду Харви стоило бы предоставить какие-нибудь данные в подтверждение своих заявлений или же отказаться от них. Но дело о его отрицании империализма выходит далеко за рамки того, что показывает статистика торговли, обслуживания долгов, репатриации прибыли и оттока капитала.

Во-первых, методология «NRT», использованная в исследовании, на которое я ссылался выше, подразумевает, что потоки репатриированной прибыли, идущие с Юга на Север, сводятся на нет новыми потоками ПИИ с Севера на Юг. И всё же эти потоки различны по своей сути. Репатриированная прибыль однозначно увеличивает благосостояние транснациональных корпораций (ТНК); ПИИ однозначно увеличивают долю экономики принимающей страны, которой они владеют и которую контролируют. Эти потоки могут иметь противоположные направления, но каждый из них усиливает империалистическое господство над

принимающими странами, что игнорируется, когда по-упрощенчески объявляют, что они уравнивают друг друга; аналогичные соображения применимы и к другим потокам, например, к обслуживанию долга против новых займов.

Что гораздо важнее, трудовая теория стоимости Маркса учит нас, что данные о торговых и финансовых потоках дают лишь сильно искажённую и значительно урезанную картину стоящих за ними потоков стоимости и прибавочной стоимости. Например, единственные потоки материальных благ из Китая и других стран с низкой заработной платой в нефинансовые ТНК, базирующиеся в Японии, Европе и Северной Америке, которые отражаются в статистике, представляют собой репатриированную прибыль от прямых инвестиций. В то же время ни одна копейка из прибыли H&M, Apple или General Motors не может быть отслежена сверхэксплуатируемыми бангладешскими, китайскими и мексиканскими рабочими, которые пашут на независимых поставщиков этих ТНК, и именно эти договорные отношения, всё больше преобладающие в глобальных цепочках стоимости, связывают ТНК и жителей империалистических стран с низкооплачиваемыми работниками, которые производят всё больше и больше полуфабрикатов и потребительских товаров.

Основной вывод, который я сделал на основе этого, как я уже упоминал в заметке «Харви отрицает империализм» [см. [выше](#) — прим. LC], следующий:

«Огромные масштабы переноса производств в страны с низкой заработной платой, будь то через прямые иностранные инвестиции или через косвенные, договорные отношения с независимыми поставщиками,

означают значительное расширение эксплуатации труда жителей Юга американскими, европейскими и японскими транснациональными компаниями, легионов рабочих, для которых к тому же более высока норма эксплуатации... [и это] подразумевает новые и значительно возросшие потоки стоимости и прибавочной стоимости в американские, европейские и японские транснациональные корпорации... и основания полагать, что это преобразование знаменует собой новый этап в развитии империализма».

Дэвид Харви в своём ответе на мою критику [см. [выше](#) — прим. LC] трактует эту определяющую черту неолиберальной эпохи по-другому:

«Так, начиная с 1970-х годов, часть капитала (но далеко не всё) уходила туда, где рабочая сила была самой дешёвой. Но глобализация не могла работать без уменьшения барьеров для товарного обмена и денежных потоков, и последнее означало открытие ящика Пандоры для финансового капитала, который долгое время был недоволен национальным регулированием. Долгосрочный эффект состоял в том, что власть и привилегии движений рабочего класса на глобальном Севере ослабли именно из-за помещения их в конкурентную среду глобальной рабочей силы, которую можно было получить практически по любой цене».

Здесь Харви полностью игнорирует возросшую зависимость американских, европейских и японских ТНК от прибавочной стоимости, поступающей из стран с низкой заработной платой, и пытается отвлечь наше внимание на важное, но вторичное явление финансовализации. Единственный эффект глобального

сдвига производства в страны с низкой заработной платой, который, по его мнению, заслуживает упоминания, — это перекрытие кислорода для *«движений рабочего класса на глобальном Севере»*. И это влияние сильно преувеличено: сокращение власти и привилегий последних, как нас пытается убедить Харви, достигло таких масштабов, что теперь они конкурируют со своими сёстрами и братьями на глобальном Юге на более или менее равных условиях.

В своей первой критике я процитировал его книгу *«17 противоречий и конец капитализма»* (стр. 170), где он заявил:

«Неравенство в глобальном распределении богатства и доходов между странами значительно сократилось в связи с ростом доходов на душу населения во многих развивающихся частях мира»; и я возразил, что здесь он «сильно преувеличивает глобальную конвергенцию: если убрать из рассмотрения Китай и учесть значительно возросшее неравенство доходов во многих странах Юга, выясняется, что никакого реального прогресса в преодолении огромного разрыва между реальной заработной платой и уровнем жизни „Запада“ и остального мира достигнуто не было».

Харви ответил:

«Я поддерживаю точку зрения, что рабочие классы разных стран в рамках глобальной структуры современного капитализма сейчас гораздо больше конкурируют друг с другом, чем в 1960-е годы».

Сверхнизкая заработная плата в южных странах действительно используется как дубина против рабочих в империалистических странах, однако нелепо полагать, что пропасть между Севером и Югом в уровне заработной платы и уровне жизни заметно сократилась. Дэвиду Харви, опять же, стоило бы предоставить какие-нибудь данные в подтверждение своих заявлений или же отказаться от них. Он мог бы обратиться к «Глобальным тенденциям динамики заработной платы в неолиберальную эпоху», пятой главе моей книги *«Империализм в XXI веке»*, повествующей о разрастании «планеты трущоб» (это к вопросу об утверждении Харви, что я, мол, «игнорирую урбанизацию!»), а также о других вещах, подтверждающих совсем не тот вывод, что даёт «мейнстримная» гипотеза конвергенции, которую поддерживает Харви (стр. 104):

«...империалистическое разделение мира... сформировало глобальный рабочий класс, центральным элементом существования которого является насильственное подавление международной мобильности рабочей силы. Так же, как печально известные законы, легализовавшие апартеид в Южно-Африканской Республике, иммиграционный контроль образует стержень апартеидоподобной глобальной экономической системы, в которой систематически отказывают в предоставлении гражданства и основных прав человека рабочим Юга и которая, как в ЮАР времён апартеида, является необходимым условием их сверхэксплуатации».

Почему Харви отказывается признать распространённую в огромной степени эксплуатацию рабочей силы Юга капиталом Севера? Почему он отрицает

преобладание сверхэксплуатации в низкооплачиваемых секторах мирового производства (стр. 221)? Почему он утверждает, что раскол международного рабочего класса, которому так много внимания уделяли Ленин и коммунистическое движение в ту эпоху, когда оно и впрямь было коммунистическим, остался в прошлом? Всё просто: адекватный анализ действительности касательно любого из его утверждений привёл бы к краху его аргументации.

ИДЕАЛИЗМ ХАРВИ

«Маркс учил нас: метод исторического материализма начинается не с выдумывания абстрактных понятий, которые потом навязывают реальности, а с реалий на местах, на основании которых пытаются создать абстрактные понятия, подходящие для имеющейся ситуации. Начинать с абстрактных понятий, как это делает Джон Смит, — значит заниматься

классификаторским идеализмом».

Харви даёт нам правильный совет, однако ему стоило бы и самому придерживаться его. Как мы увидим, его критика моего аналитического метода как «классификаторского идеализма» применима к его собственному подходу, и это не преувеличение.

Действительно, начинать с фактов — это предельно важно, как я подчёркивал в своей статье *«Империализм в XXI веке»*:

«„Коммунизм — не доктрина, а движение; он исходит не из принципов, а из фактов“, — говорил Фридрих Энгельс. Глобальные различия в степени эксплуатации [sic, имеется в виду норма эксплуатации — прим. LC], перемещение производства туда, где этот показатель выше всего, и огромный рост числа промышленных рабочих на Юге — вот те новые реалии, из которых мы должны исходить. Эти определяющие черты неолиберальной эпохи являются ключом к пониманию природы и динамики глобальных кризисов. Вместо того, чтобы отрицать реальность сверхэксплуатации в XXI веке (и покоящегося на ней империалистического порядка), опираясь на замечания Маркса по поводу производства, сделанные в XIX-м, мы должны пересмотреть его теорию в свете новых реалий, использовать и критически развивать её, чтобы понять новейший этап империалистического развития капитализма».

Харви обвиняет меня в поддержке «догматичной и негибкой теории империализма». Он явно не читал мою книгу. Что ж, ладно; уверен, он очень занят. Но если бы он это сделал, то увидел бы, что, исходя из самого значительного явления неолиберальной эпохи, вызвавшего все другие её преобразования, а именно переноса производства в страны с низкой заработной платой, движимого империалистической жадностью сверхэксплуатации труда, я вынужден не только настаивать на необходимости радикального расширения ленинской теории:

«...Подобно тому как Карл Маркс не мог написать „Капитал“ до появления зрелой, полностью развитой формы капитализма с ростом промышленного капитализма в Англии, не стоит ожидать от трудов Ленина и других авторов времён рождения империализма теории, способной объяснить его полностью развитую современную форму...» (Империализм в XXI веке (книга), стр. 225)

...но также заявляю, что необходимая отправная точка для теории современного империализма — это именно то, что Маркс исключил из рассмотрения в «Капитале»; например, в цитированной выше статье для журнала Monthly Review я утверждаю:

«В третьем томе „Капитала“, обсуждая «противодействующие причины», препятствующие снижению нормы прибыли, Маркс еще раз кратко упоминает... „понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы“, [которое] описано всего лишь в двух коротких предложениях: „Мы здесь только эмпирически указываем на это обстоятельство, так как в

действительности оно, как и многое другое, что здесь можно было бы привести, относится не к общему анализу капитала, а к исследованию конкуренции, которое не входит в задачу настоящей работы. Однако оно является одной из значительнейших причин, которые задерживают тенденцию нормы прибыли к понижению“.

Мало того, что Маркс оставил в стороне снижение заработной платы ниже ее стоимости, он сделал абстракцию еще отвлечённое. Пусть она необходима для „общего анализа капитала“, но ее следует конкретизировать, если мы хотим проанализировать нынешнюю стадию развития капитализма: „Различия норм прибавочной стоимости в различных странах, т. е. национальные различия в степени эксплуатации труда, для настоящего исследования не имеют значения“. Но именно это должно стать отправной точкой для теории современного империализма».

Харви делает мне замечание за моё утверждение о том, что в его *«Пределах капитала»* «империализму достаётся только одно короткое, бессвязное упоминание». Я прошу прощения за эту неточность. Его книга содержит много мимолётных исторических ссылок на империализм и два несколько более содержательных обсуждения: в одном речь о ленинской теории, а другое является частью заключения книги. Однако я хотел донести до читателя тот существенный момент, что только один раз (стр. 441-442) Харви упоминает, что сущность империализма — это факт «эксплуатации народов в одном регионе теми, кто находится в другом... Описанные процессы позволяют географии производства прибавочной стоимости отклоняться от географии её

распределения». Я к тому же упустил ещё одно краткое упоминание:

«...каждое национальное государство стремится защитить свою денежную базу [путём] увеличения производства стоимости и прибавочной стоимости в пределах своих границ или присвоения ценностей, произведённых в других местах (колониальные или империалистические авантюры)» (стр. 387).

И это всё! Во всех других случаях — даже когда обсуждается ленинская теория! — «империализм» обсуждается в контексте соперничества государств, финансового капитала и подъёма монополий, но эксплуатация угнетённых народов здесь вымарана не только из собственной концепции Харви, но и из его представлений об альтернативных точках зрения.

В своём ответе на мою критику Харви выставляет напоказ такое же расплывчатое признание этого крайне важного явления, утверждая, что он *«не отрицает, что стоимость, произведённая в одном месте, в конечном итоге присваивается где-то в другом месте, и что во всём этом есть нечто до ужаса неправильное»*. Ладно, он этого не отрицает, но он и не останавливается на этом подробно. Он просто хочет сказать как можно меньше об этом и любой ценой избежать признания того, что стоимость, произведённая в таких местах, как Китай, Бангладеш и Мексика, в конечном счёте присваивается в таких странах, как США, Великобритания и Япония.

Однако то немногое, что он пишет на эту тему, говорит нам весьма немало — не о мире, а о качестве (во всех смыслах этого слова) его аргументации. В своём ответе на мою критику, например, он заявляет:

«Когда мы читаем отчёты об ужасных сверхэксплуатационных условиях на производстве на глобальном Юге, часто оказывается, что в это вовлечены тайваньские или южнокорейские фирмы, даже если конечный продукт попадает в Европу или Соединённые Штаты».

Основной вопрос по этому поводу был рассмотрен Джуди Уайтхед в комментарии, который она разместила к ответу Харви:

«Действительно, в Китае и некоторых других регионах многие местные компании, например, Foxconn, управляют фабриками, производящими товары для Запада, однако Смит показывает в своей книге, что огромная доля их прибыли идёт в карман транснациональных корпораций, с которыми они заключают контракты, к примеру, Apple».

Об утверждении Харви можно сказать ещё две вещи. Во-первых, в тех редких случаях, когда Харви упоминает о сверхэксплуатации, он использует это слово только в качестве описательного термина, а не в качестве аналитической категории. Во-вторых, всякий раз, когда он признает её реальность — как в приведённом выше отрывке — ему нужно приложить большие усилия, чтобы отвлечь внимание от её благотворного влияния на прибыль американских, европейских и японских ТНК.

Я предлагаю завершить это обсуждение подхода Харви к неудобным ему фактам, рассмотрев другое его заявление, подобно предыдущему, раскрывающее сущность его доводов. В своём ответе на мою критику он заявил, что, *«как давно указал Маркс, географические перемещения богатства из одной части мира в другую не приносят выгоды всей стране; они неизменно сосредоточены в руках привилегированных классов»*.

Это как так — неизменно? Разве Харви не может вспомнить случаев, когда империалисты использовали часть доходов от сверхэксплуатации для взяточничества и подкупа в отношении своих собственных работников? Это что же получается, Фридрих Энгельс впал в заблуждение, когда в **письме Каутскому от 12 сентября 1882 года** (когда последний ещё был марксистом) заявил:

«Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще: то же самое, что думают о ней буржуа. Здесь нет рабочей партии... а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и её монополией на всемирном рынке»?

Когда Эрнест Бевин, министр иностранных дел в британском послевоенном лейбористском правительстве, в 1946 году **заявил Палате общин**: *«Я не готов жертвовать Британской империей, потому что знаю, что если Британская империя падёт... это также будет означать значительное падение уровня жизни наших избирателей»*, — выдумывал ли он всё это?

И когда в 2018 году британское государство собирает в виде НДС и других налогов до половины окончательной цены рубашки, изготовленной в Бангладеш (в то время как женщине, которая сшила рубашку, выплачивается лишь незначительная часть этой суммы), и использует эти налоговые поступления для финансирования Национальной службы здравоохранения и выплаты пенсий работникам (ни то, ни другое не доступно ни нашим сёстрам из Бангладеш, ни 260 миллионам трудящихся-переселенцев из аграрных районов Китая, которым приходится вкалывать на ориентированных на экспорт фабриках этой страны), допустимо ли для марксистов игнорировать такие неудобные «реалии на местах»?

В *«Империализме и расколе социализма»* Ленин заявил (и повторил позднее ту же мысль в бесчисленном множестве других статей и речей): *«Из этой сверхприбыли [возникающей из „колониальной монополии Англии“, — подчёркивает Ленин как здесь, так и в своей работе в целом] капиталисты могут выбросить частичку (и даже не малую!), чтобы подкупить своих рабочих, создать нечто вроде союза... союза рабочих данной нации со своими капиталистами против остальных стран»* и, далее:

«В этом как раз экономическая и политическая суть империализма, глубочайшие противоречия коего Каутский притушёвывает, а не вскрывает».

Замените фамилию «Каутский» на «Харви», и эти слова сегодня окажутся так же верны, как и в прошлом веке, когда они были произнесены. И когда Дэвид Харви ответит на эту критику, а я искренне на это надеюсь, возможно, он

сможет объяснить, почему он не оставил и упоминания об этой «экономической и политической сущности империализма» в своём обсуждении взглядов Ленина в «*Пределах капитала*», «*Новом империализме*» или где-нибудь ещё.

КАК ХАРВИ ИСПОЛЬЗУЕТ «КАПИТАЛ» ДЛЯ ОТРИЦАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

До сих пор мы рассматривали то, как Харви имеет дело с фактами, противоречащими отрицанию им империализма. Теперь посмотрим, как он использует теоретические концепции, взятые у Маркса с той же целью, и злоупотребляет ими.

Харви утверждает, что в его теории *«признаётся значимость теории относительной прибавочной стоимости Маркса, в соответствии с которой*

материальное благосостояние работников может значительно вырасти, даже если норма эксплуатации возрастает до огромного уровня, которого невозможно достичь за счёт абсолютной прибавочной стоимости, получаемой в более бедных областях накопления капитала, которые часто доминируют на глобальном Юге».

Здесь Харви повторяет классический аргумент, используемый многими марксистами империалистических стран (которых я иногда называю «евромарксистами») для обоснования своего отрицания того, что в Китае, Бангладеш и прочих развивающихся странах в порядке вещей более высокие нормы эксплуатации. При этом он приводит отличный пример *«навязывания абстрактных понятий реальности»*. Использовать теорию абсолютной прибавочной стоимости Маркса для объяснения до невозможности низкого уровня потребления, который приходится терпеть портным в Бангладеш и сборщикам автомобилей в Мексике, — поверхностно и неверно. То, что так поступают многие другие, — не оправдание; напротив, это увеличивает ответственность Харви за применение его глубоких знаний марксизма для критического развития этой теории с целью решить те вопросы окружающей действительности, которые слишком уж долго никому не удавалось решить.

Как и в случае любого товара, стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимого для её воспроизводства; синонимом для обозначения этого количества труда является «необходимое рабочее время», то есть время, в течение которого работник создаёт стоимость, эквивалентную стоимости благ, потребляемых его семьёй. Понятие абсолютной прибавочной

стоимости у Маркса относится к продлению рабочего дня сверх необходимого рабочего времени; время, на которое продлевается рабочий день, он назвал прибавочным рабочим временем, а соотношение между прибавочным и необходимым рабочим временем — это норма прибавочной стоимости, она же норма эксплуатации (разница между этими двумя терминами становится важной, когда мы принимаем во внимание разницу между производительным и непроизводительным трудом, но здесь это не принципиально). Маркс утверждал, что абсолютную прибавочную стоимость можно увеличить, если продлить рабочий день сверх необходимого рабочего времени сильнее прежнего. *Это полностью отлично от сокращения необходимого рабочего времени за счёт снижения уровня потребления работников.* Как объяснял Маркс во многих местах в первом и третьем томах «Капитала», способ увеличения прибавочной стоимости за счёт *«понижения заработной платы работника ниже стоимости его рабочей силы» «должен быть исключён [из рассмотрения в книге], так как по нашему предположению все товары, — а, следовательно, и рабочая сила, — продаются и покупаются по их полной стоимости».*

С другой стороны, понятие относительной прибавочной стоимости у Маркса объясняет, что повышение производительности работников, *прямо или косвенно занятых в производстве потребительских товаров,* сокращает необходимое рабочее время без какого-либо сопутствующего снижения уровня потребления работников и что такое развитие производительности может привести к росту уровня потребления рабочего класса без увеличения необходимого рабочего времени и снижения нормы прибавочной стоимости.

Ни вместе, ни по отдельности эти понятия не объясняют в полной мере те отношения стоимости, что мы видим в современных глобализованных производственных сетях. Аргумент Харви противоречит фактам: перемещение производства столь большого количества потребительских товаров в страны с низкой заработной платой означает, что заработная плата и производительность труда в таких странах стали основными факторами, определяющими относительную прибавочную стоимость в империалистических странах. Что появилось нового в «новом империализме», так это масштаб этого явления; к исключительно важному вкладу Ружа Мауру Марини, сделанному в рамках дискуссий о зависимости и империализме, которые бушевали несколько десятков лет подряд до 1980 года, в частности, относится его довод о том, что в эпоху Карла Маркса сверхэксплуатация в британских колониях и неоклониях увеличивала относительную прибавочную стоимость в самой Великобритании (импорт более дешёвой еды и прочих товаров сокращал необходимое рабочее время без снижения уровня потребления). В своей *«Диалектике зависимости»* (1973) Марини утверждал (перевод [с португальского на английский — прим. LC] мой — Дж. С.):

«Понятие сверхэксплуатации не идентично понятию абсолютной прибавочной стоимости, поскольку первое включает в себя и производство относительной прибавочной стоимости по типу увеличения интенсивности труда. С другой стороны, преобразование части фонда заработной платы в источник накопления капитала не является в строгом смысле формой производства абсолютной прибавочной стоимости, поскольку оно одновременно влияет на обе части рабочего дня, а не только на прибавочное время, как в случае с абсолютной прибавочной стоимостью. В

первую очередь сверхэксплуатация определяется значительной эксплуатацией физических возможностей работника, в отличие от эксплуатации за счёт повышения его производительности, и обычно выражается в том, что рабочая сила оплачивается ниже её фактической стоимости».

Во-вторых, что еще серьезнее, из злоупотребления Харви понятием абсолютной прибавочной стоимости следует элементарная ошибка: он путает производительную силу работников, производящих потребительские товары, с производительной силой работников, потребляющих эти товары. Вот как я это объясняю в книге *«Империализм в XXI веке»* (стр. 242-243):

«Отношения между производительной силой и созданной ей меновой стоимостью не просто не являются прямыми, как утверждают последователи „мейнстримных“ экономических теорий и повторяющие за ними евромарксисты, но полностью независимы друг от друга, как подчеркнул Маркс (том I, стр. 55):

„Производительная сила, конечно, всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда... ..полезный труд оказывается то более богатым, то более скудным источником продуктов прямо пропорционально повышению или падению его производительной силы. Напротив, изменение производительной силы само по себе нисколько не затрагивает труда, представленного в стоимости товара. Так как производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда, то она, конечно, не может

затрагивать труда, поскольку происходит отвлечение от его конкретной полезной формы. Следовательно, один и тот же труд в равные промежутки времени создаёт равные по величине стоимости, как бы ни изменялась его производительная сила. Но он доставляет при этих условиях в равные промежутки времени различные количества потребительных стоимостей...“.

Таким образом, вера в прямую связь между заработной платой и производительной силой основана на смешивании понятий потребительной стоимости и меновой стоимости, той путанице между ними, которая разрушает саму основу теории Маркса и на самом деле даже согласуется с подобием представления о производственных отношениях в голове капиталиста. Другими словами, так называемые „ортодоксальные марксисты“ на деле продвигают буржуазные экономические теории, завёрнутые в обёртку марксистской терминологии».

Если концепций Маркса об абсолютной и относительной прибавочной стоимости недостаточно для объяснения реалий современных глобальных производственных сетей, то что ещё нам нужно? Если вкратце, нам нужно теоретическое понятие *сверхэксплуатации*. Как отмечалось выше, Маркс неоднократно и недвусмысленно исключал рассмотрение как международной варибельности нормы прибавочной стоимости, так и снижения заработной платы ниже стоимости рабочей силы из своей «общей теории» капитала. Снижение стоимости рабочей силы посредством сокращения потребления (или, что есть то же самое, снижения заработной платы ниже стоимости рабочей

силы) — отдельный, третий способ увеличения прибавочной стоимости, и он стал невероятно важен в эпоху неолиберализма, став основной движущей силой глобального трудового арбитража и массового перемещения производства в страны с низкой заработной платой.

Повторное открытие этой третьей формы прибавочной стоимости — это прорыв, который даёт ключ к раскрытию динамических концепций, содержащихся в «Капитале», и сделан он был Энди Хиггинботтомом в документе для конференции 2009 года под названием «*Третья форма увеличения прибавочной стоимости*», основанном на вышеупомянутой работе Руя Мауру Марини; с тех пор эта теория получила дальнейшее развитие в серии новаторских работ (см. [здесь](#), [здесь](#) и [здесь](#)). В своей статье 2009 года он заявил:

«Маркс обсуждает три различных способа, которыми капитал может увеличить прибавочную стоимость, но даёт названия только двум из них: абсолютной прибавочную стоимость и относительной прибавочную стоимость. Третий механизм, снижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, Маркс относит к сфере исследования конкуренции, которая лежит вне области его анализа».

Как я уже заявлял в своей книге (стр. 238):

«Глобализация производства, движимая арбитражем по заработной плате, не соответствует ни абсолютной прибавочной стоимости — долгий рабочий день свойственен странам с низкой заработной платой, однако

продолжительность рабочего дня не является главной причиной их привлекательности для аутсорсинговых фирм, — ни относительной прибавочной стоимости: количество необходимого труда здесь не уменьшается за счёт применения новых технологий. В самом деле, аутсорсинг есть альтернатива инвестициям в новые технологии. Таким образом, повышение прибавочной стоимости за счёт ужесточения эксплуатации низкооплачиваемого труда в странах Юга не может быть сведено к двум формам извлечения прибавочной стоимости, проанализированным в „Капитале“, — абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Аутсорсинг, движимый глобальным трудовым арбитражем, обусловлен жаждой более дешёвой рабочей силы и в наибольшей степени соответствует понятию „снижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы“. Другими словами, глобальный трудовой арбитраж, являющийся движущей силой глобального сдвига производства в страны с низкой заработной платой, является третьей формой прибавочной стоимости, которую Маркс признавал весьма важным фактором, но, как мы уже увидели, исключил из своей теории стоимости».

КИТАЙСКИЙ ВОПРОС

Харви задаёт вопрос:

«Является ли Китай новой империалистической державой?»

Это справедливый и очень большой вопрос, которому я не могу отдать должное в контексте этого ответа. Китай — это нечто большее, чем просто очень большая и быстрорастущая «полупериферийная» страна. Это страна, которая была преобразована в ходе крупной социалистической революции (точнее, революция 1949 года создала необходимые условия для перехода к социализму: империалистическое господство было прекращено, собственность помещиков и капиталистов — экспроприирована, их государство — свергнуто, — однако дальнейший прогресс был сведён на нет сектантской и реакционной политикой китайских вождей-сталинистов [с такими эпитетами мы не согласны — прим. LC]) и которая сейчас пытается вернуться к капитализму. Несмотря на широко распространённую убеждённость в обратном, этот переход далёк от завершения, и само его будущее завершение под вопросом. Империализм заложен в ДНК капитализма, и если Китай вступил на путь капитализма, то он вступил и на путь империализма.

Семь лет назад я написал:

«Я всё же не считаю, что все преобразования, произошедшие в Китае за последние три десятилетия, вместе взятые, равны по значимости преобразованиям, произошедшим в нём же в результате социалистической революции, а именно экспроприации имущества капиталистов и помещиков и созданию рабочего государства (хоть и ужасно деформированного руководством сталинистов с самого начала его существования). В Китае много капиталистов, их число и богатство быстро растут, и сегодня в нём действительно происходит масштабный процесс капиталистического накопления, но наибольшая часть этого капитала накапливается американскими, японскими и другими ТНК — и теми, чьи иностранные дочерние компании сегодня производят около 55 % китайского экспорта, и такими „ведущими фирмами“, как Walmart и Dell, которые питают эксплуатацию рабочих на местах через независимых поставщиков... Развитие капитализма в Китае по-прежнему характеризуется зависимостью от экспорта товаров с низкой добавленной стоимостью в империалистические страны (или, в случае высокотехнологичного экспорта Китая, сборки с низкой добавленной стоимостью из импортных деталей) и зависимостью от прямых иностранных инвестиций со стороны ТНК, базирующихся в этих странах...

Представляет ли восход Китая угрозу господству империалистических держав над Азией и миром? Думаю, да. В чём выражается эта угроза? В том, что китайское правительство — вне зависимости от того, считаем ли мы их группой капиталистов или бюрократами-сталинистами, — откажется принять статус подчинённой, угнетённой, покорной так называемой развивающейся страны, в том, что они бросят вызов гегемонии США над

Азией и создадут противовес американо-японскому военному альянсу, который хозяйничает в китайских прибрежных водах, в том, что они получают потенциальную экономическую власть, отражённую в их владении триллионами долларов от долгосрочных казначейских облигаций США и других финансовых активов, в том, что их новые ТНК ворвутся в борьбу за минеральные ресурсы и рынки, до сих пор бывшую делом исключительно стран „Золотого миллиарда“. Они уже шагают по этой тропе, плавно переходящей в тропу войны, и США реагируют так, как и стоило ожидать от переполненного империалистическими амбициями единоличного лидера: вторжение в Ирак имело своей целью запугивание Китая в той же мере, в какой оно было направлено на удержание контроля над нефтью Ближнего Востока со стороны США и Великобритании».

За последние семь лет многое изменилось. Китайский государственный капитализм (пусть будет так за отсутствием термина получше) демонстрирует признаки того, что скоро он бросит стратегический вызов доминированию Японии, Европы и Северной Америки в ключевых отраслях: от робототехники, информационных технологий и искусственного интеллекта до возобновляемых источников энергии, аэрокосмической отрасли и ядерной энергетики. Эти события, наряду с резко усиливающейся военной напряжённостью в прибрежных водах Китая (которые со времён окончания Второй мировой войны были преимущественно американской вотчиной) и опосредованной «странной войной», происходящей на Корейском полуострове и вокруг него, ещё раз подтверждают умозаключение, к которому я пришёл ещё семь лет назад: сочетание усугубляющейся глобальной капиталистической депрессии и

усиливающегося вызова империалистическому господству со стороны Китая означает, что мы больше не живём в эпоху после Второй мировой войны; теперь мы живём в эпоху перед Третьей мировой войной. Классово сознательные рабочие должны встать «против всех» в этом надвигающемся конфликте и подготовиться к революционной ситуации, которая непременно вытечет из самого глубокого кризиса капитализма в истории. На сегодняшний день это означает осуждение агрессии США против Кореи и требование вывода её военных сил и баз из западной части Тихого океана, противодействие ядерному перевооружению Японии, а также противодействие китайской капиталистической экспансии и попыткам Коммунистической партии Китая создать альянс с реакционными капиталистическими режимами Мьянмы, Пакистана, Шри-Ланки и других стран в рамках проекта «Один пояс и один путь».

***

Наконец, Харви выражает свое недовольство *«комментарием, наглядно демонстрирующим, какого рода полемикой Смит заменяет аргументированную критику»*; в частности, тем, что я осмелился высмеять его защиту *«более доброжелательного империализма Нового курса, лучше всего — через своего рода коалицию капиталистических держав, которую Каутский уже давно предвидел»* («Новый империализм», стр. 209-211). Я просто хотел бы отметить, что я так сильно желал как можно точнее изложить его взгляды, что не менее 40 процентов заметки *«Харви отрицает империализм»* состоит из обширных цитат из его работ.

Харви защищает свой призыв к «доброжелательному империализму» на том основании, что *«для левых было бы лучше поддержать кейнсианскую альтернативу»*. Но не было и нет никакой кейнсианской альтернативы; это не что иное, как социал-демократическая фантазия, прямо как находящие отклик в сердце Харви праздные мечтания Каутского о прекращении межимпериалистического соперничества. А Ленин поведал нам: *социал-демократия* — не что иное, как иное название для *социал-империализма*.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.